

Буря

Выдающимися, почти волшебными казались ему эти тихие ранние вечера – сказочный лик ещё совсем недавно палящего солнца не успевал скрыться за бесконечной ширью горизонта, а неуклюжее столпотворение сероватых туч, что так явственно мешали обзору небесного светила, то и дело напоминало об одном: приближается буря.

Семь дней назад Владислав впервые ступил на вершину этой горы – с тех пор не минуло ни одного вечера без его присутствия там, наверху, почти у самого Рая. Это была единственная гора на примыкающей к лагерю территории, и невозможной была мысль об отказе подняться туда – в самое сердце земного шара. Он считал её настоящим чудом природы и каждый Божий день, ровно в пять часов – сразу после третьего сна и приёма лекарств – Владислав традиционно отправлялся туда, к этому чуду. Ни единого раза он не брал с собой на гору никого, даже Викторю. Она никогда не задавала ему вопросов о его вечернем времяпровождении, не спрашивала куда он регулярно отлучается, а ведь проводил он там самый романтичный отрезок дня – бесценные вечерние часы. Она любила его, несомненно любила и, вероятно, именно поэтому оставалась в стороне. Помимо неё в лагере было ещё порядка сотни женщин, однако о ревности не могло быть и речи – любовь и доверие были для неё понятиями неразделимыми.

Предаваясь воспоминаниям о дне их первой встречи, потрясающем знакомстве, что так круто изменило оставшиеся дни жизни обоих, – такие краткие, полные надежды, печали и радости, – Виктория испытывала смешанные чувства: сумбурно накаत्या-

ющая тоска по усопшему отцу – герою её детства и юности, чей уход ознаменовал собой новую главу её жизненной истории, овладевала всей её сущностью, всей её натурой, смешиваясь с тонким, почти революционно проявляющим себя ощущением бесконечного счастья. Каждый раз, думая об этом, она видела перед собой чётко вырисовывающуюся картину: умирающий на руках отец, чьё дыхание едва ощущалось на бархатистой коже её мокрой от слёз руки, и тогда ещё малознакомый, но уже изрядно полубившийся ей Владислав, склонившийся над ней рыдающей, отчаянно пытавшийся помочь ей совладать с собой и сдержать коварный поток горестных слёз. В те дни, что сейчас всем казались не такими уж и тёмными, равно как и ныне, об этом ужасающем вирусе не было известно совершенно ничего.

Смертельная, лишаящая жизни хворь мимолётно, с невероятной быстротой распространялась по всему белому свету, беспощадно поражая организм человека и заставляя искренне поверить в Бога, дарующего единственную, крохотную надежду на невозможность конца. Именно этот вирус и стал причиной гибели бесчисленного множества людей, среди которых оказался и её отец.

Ночной сон был первым сном – самым важным с точки зрения благоприятного влияния на здоровье, но тем не менее Виктория часто была не в состоянии сомкнуть глаз в тёмное время суток. Тогда-то она и уходила мысленно в самые запоминающиеся отрезки их с Владиславом дружбы.

– Вы приятно пахнете. Вам когда-нибудь говорили об этом? – В тот день она смотрела на него полными блеска глазами, то ли от сладостного чувства влюблённости, то ли от очередного оплакивания недавно похороненного отца.

– В лагере? Никто. Вы первая.

– А за его пределами? В прошлой жизни – ещё до того, как началось всё это сумасшествие?

Он призадумался на какое-то мгновение, после чего развёл руками и произнёс:

– Не думаю. Знаете, в здоровые деньки я был довольно одиноким человеком. Со мной никто не имел никакого дела, меня никто не нюхал, – он усмехнулся.

Было видно, что Виктория получила немалую порцию смущения.

– Абсурдно получается, – продолжал он, – избавился от одиночества, едва соприкоснувшись со смертным одром.

– Бросьте! Освободитесь от этих чёрных мыслей! По всему лагерю ходят слухи, что в Москве и Вашингтоне упорно трудятся над созданием вакцины. Вы будете жить!

– Виктория, вы действительно верите во все эти небылицы? Не стоит тешить себя призрачными надеждами на чудесное спасение. Мы с вами прекрасно понимаем, что люди в этом лагере обречены – собственно, как и во всех остальных лагерях, что разбросаны по нашей планете.

Она удостоила своего собеседника молчанием. Он был прав. Совершенно и абсолютно – она это понимала, хоть и боялась этого безнадёжного понимания.

– А что вы имели в виду, говоря об избавлении от одиночества?

Владислав провёл ладонью по лбу – казалось, что температура в норме. Конечно, он обратил внимание на то, как искусно она увильнула от неприятной темы разговора. Он не возражал. Улыбнувшись, Владислав отвечивал:

– Я обрёл вас, моя дорогая Виктория.

Эти слова отпечатались в её памяти огненным знаменем, что согревало её сердце каждой холодной и бессонной ночью. Как жутко хотелось ей ощутить его объятия, крепче прижать к себе, упиваясь опьяняющим сознанием ароматом его волшебного образа. Сие желание овладевало ею настолько крепко и основательно, что на какие-то секунды, на какие-то маленькие вечности в неё вселялась достаточная уверенность в возможном исцелении от губительной хвори, что уже сидела где-то глубоко внутри.

Уподобляется ли он столь сентиментальным размышлениям об исцелении любовью? Ей казалось, что она знает ответ.

Владислав был натурой несомненно романтической, хоть и нечасто проявлялась в нём эта романтичность. Виктория читала это в его глазах. Однажды после второго сна (в лагере он обычно длился с полудня и примерно до двух часов) Виктории был подарен крохотный полевой цветок – от чистого сердца её любимого.

– Вы никогда не дарили мне цветов. Почему же делаете это сейчас?

– Мне захотелось поделиться с вами частичкой нашего чудесного мира. Знаете, Виктория, до встречи с вами единственным, что я любил, была природа.

– Природа? Мне думалось, что вы верующий. Неужели вы не любите Бога?

– Любить природу – значит любить Бога.

– Занятная мысль. Однако мне чуждо отождествление природы и Бога. Полагаю, во мне говорит мой непреклонный атеизм.

– Моя дорогая Виктория, поймите же, что Бог безначален и бесконечен. Бог – это природа, естество. Бог – это Вселенная.

– В вас говорит наивность, друг мой. И давно ли вы стали таким романтиком? Честно сказать, особой романтичностью вы не блещете.

– Кто такие романтики, Виктория? И какого человека, по-вашему, можно назвать романтичным?

– Разве это не одно и то же?

– Отнюдь.

Она не нашлась с ответом. Иногда его изречения были для Виктории слишком непонятны, порой сложны, а бывало, он прослышал перед ней чудачком, почти глупцом. Именно поэтому она любила его – так ей казалось.

Когда они с отцом прибыли в лагерь, Владислав уже находился там. Это была раскинувшаяся на несколько сотен метров площадка с налаженной системой питания, сна, приёма лекарств. Говорят, лагерь был основан волонтерским движением, куда входила группка энтузиастов, борющихся за жизнеспособность общества. Подобные мероприятия были учреждены по всему миру – поражённые вирусом стремились держаться вместе, мечтая дать отпор недугу.

гу, жестоко уносящему юные и ветхие жизни ни в чём неповинных людей. Идеей заражались всё больше и больше народа – лагеря стремительно разрастались, и их представители всё чаще попадали в поле зрения правительства. Со временем, некогда бывшие волонтерскими движения оказались под государственной защитой и попечительством.

– Стало быть, вы совсем не верите в то, что нам удастся спастись? – спросила Виктория.

Ничего не сказав, Владислав покачал головой.

– Но должна же быть какая-то надежда. Хоть самая маленькая!

На этот раз он ответил. Подсев к ней поближе, почти вплотную, он ощутил приятный аромат её шелковистых волос, что едва развевались на ветру этого раннего утра.

– Верно. Маленькая надежда таки имеется. Но едва ли стоит полагаться на неё. Маленькая надежда есть у человека практически в любой ситуации, какой бы трудной и безвыходной та не казалась. Другое дело, что надежда – само по себе понятие сугубо абстрактное и очень размытое. Базальная иллюзия.

– Немного странно слышать это от вас.

– Почему же?

– Вы ведь веруете в Божественное начало. Неужто вам чужда вера в чудеса?

– Моя дорогая Виктория, в нашем с вами случае разумно было бы опираться исключительно на здравый смысл. Не стоит обманываться. Вы, конечно, вправе верить во что угодно, в том числе и в чудеса, но прошу вас, не приплетайте сюда Бога, – незаметно для неё он взял её руку – такую нежную, мягкую, бесконечно тёплую и прекрасную. Никогда прежде он ничего подобного не делал – это прикосновение отозвалось в его сердце чувством волнительной радости. Ему казалось: ещё чуть-чуть, самую малость, и она оттолкнёт его, отсядет, убежит, оскорбится, – тогда он почувствует себя полным дураком и больше никогда, никогда не осмелится заговорить с ней вновь. Их жизни непременно унесёт этот дурацкий

вирус – кто-то из них уйдёт первым, и на этом их история оборвётся. Но она не убрала руку. На её ещё румяном лице отобразилась улыбка – очень искренняя, до безобразия светлая.

Она посмотрела ему в глаза и, поглаживая его, проговорила:

– Милый мой, если на свете есть Бог, то почему же он допускает все эти страшные вещи? Если он всемогущ и всемогущ, то ему вовсе не составит труда спасти всех нас. Так почему же он этого не делает?

– Совершенно немыслимо, чтобы я был в состоянии дать вам достойный ответ. В этом отношении я абсолютно некомпетентен.

– Тогда и говорить не о чем.

– Полагаю. Однако если взглянуть на этот вопрос с другой стороны, то мы можем смело утверждать, что в спасении нет нужды.

– Что вы хотите этим сказать?

– В мире, в котором нам с вами довелось обитать, всё имеет своё начало и конец. Собственно, и сам мир не бесконечен в своём бытии. Человек рождается, умирает, и совсем не важно, когда для него наступает этот самый конец – через двадцать, тридцать или пятьдесят лет. Важно лишь то, какой была его жизнь. Любви она была полна или, может быть, ненависти? Гармонии или хаоса? Как старики душой млада, так и юнцы – живые трупы.

– Как занятно вы рассуждаете, милый мой Владислав. Но скажите, неужели вам совсем не хотелось бы прожить долгую счастливую жизнь? Неужто вас несколько не беспокоит, что всё закончится, так и не успев начаться? Едва ли кто желает уйти на рассвете своей молодости.

– Само собой, всем охота жить как можно дольше. И я не являюсь исключением. Однако я не вижу никакой трагедии в своей гибели. Одно лишь страшно – лишиться вас.

Виктория отпрянула в сторону. Неожиданное осознание голой, жестокой правды – такой тягостной, что от неё хотелось убраться прочь, разрывало её сердце, выворачивало наизнанку молодую душу, в существование которой она так и не поверила. В один миг её глаза наполнились горьки-

ми слезами, она покачивалась, обхватив себя руками. Виктория повернула голову и взглянула на него: в тот момент он казался ей самым красивым человеком на свете – самым умным, добрым, хорошим. Владиславом овладело чистейшее недоумение – на несколько секунд он буквально лишился дара речи.

Наконец, опомнившись, он сумел выдать из себя:

– Что с вами, Виктория?

Она отвернулась от него, закрыв заплаканное лицо ладонями – было слышно, как она всхлипывает. Её собеседник держался поодаль – то ли никак не мог решиться приблизиться, то ли не считал нужным. По своей натуре он был человеком довольно находчивым, собранным и сдержанным. Буквально ничто не могло вывести его из себя, загнать в ступор, выбить из колеи. Ничто, кроме слёз. Так было всегда, всю его сознательную жизнь. Находясь подле плачущего, рыдающего человека, Владислав попросту стопорился и лишался всяких возможностей прийти в себя, вернуть трезвость восприятия окружающего и привести в норму сердцебиение. Им всегда овладевало сильное желание оказать страдающему помощь, сделать всё для того, чтобы плач прекратился – сострадание им двигало или, быть может, эгоизм, – известно, вероятно, одному лишь Богу. Такое состояние было ему знакомо, однако он располагал твёрдой, несокрушимой уверенностью в том, что ощущение это несколько преобразилось – чувство, уничтожающее изнутри, усилилось, обрело некую насыщенность и отказывалось отпускать его.

Жестоко повела себя Виктория по отношению к молодому человеку – она вновь подняла на него свой взгляд – влажный вид её сверкающих глаз и их лёгкая припухлость усугубляли положение. Владислав мечтал провалиться сквозь землю. Выхлипания прекратились. Виктория немного успокоилась, перевела дух: последняя слезинка скатилась по её щеке – она была впитана рукавом свитера средней чистоты, в который она предпочитала одеваться по утрам.

Голосом, полным нежности и тепла, девушка проговорила:

– Какая же я дура.

Неоднозначно были восприняты эти слова Владиславом, и с ответом он нашёлся не сразу – имело влияние и неприятное положение, в коем ему случилось оказаться. Тем не менее он сумел ответить:

– Дура? Хм... Оно-то, может быть, и так, но согласиться с вами я не могу, покуда вы не объясните мне, в чём заключается ваша дурость, дурь, дурачество. И так-с?

– Неужели вы не понимаете? Только сушная дура может позволить себе влюбиться в человека, умирающего от страшного вируса.

Владислав осмелел: конфуз постепенно отступал, и он придвинулся к своей собеседнице – уже во второй раз за утро.

– Ну, во-первых, я ещё не умираю, а во-вторых, позволю донести до вашего, Виктория, сведения, коль уж вы подняли эту тему, что в дураках вы в данном случае не одна. Вам легче?

– Владислав, когда вы заразились? – вопросом на вопрос ответила Виктория.

Молодой человек ушёл в краткие раздумья. Чутьочку порывшись в чертогах своей памяти, он огласил:

– Я думаю, это произошло немногим меньше трёх месяцев назад. А вы?

– Как только я узнала, что заражена, тотчас же отправилась сюда. Мой отец поспособствовал этому. Тогда он был уже на последнем издыхании, но по неведомым мне причинам плевал на себя и совсем не следил за графиком приёма лекарств, сна, питания и вообще выступал против какой-либо профилактики лечения. Помнится, он говорил, что желает оставить побольше медикаментов для меня – в то время с ними была напряжённость, а я в буквальном смысле заставляла его лекарствовать, – она опустила голову, помолчала несколько секунд и затем продолжила: – Простите, я заговорила. Ах, бедный, бедный мой папочка...

– Мне очень жаль, Виктория. Я едва знал вашего отца, но я уверен – он был хорошим человеком.

Она ухмыльнулась.

– Вы ошибаетесь, Владислав. Мой отец был ужасным человеком. В нём проявлялись все самые скверные стороны голого цинизма, гордости и мизантропии, однако семья для него представляла особую ценность, а членов её он почитал как святых. По отношению ко мне он всегда был законченным альтруистом и добряком – порой мне казалось, что от него пахнет дешёвым лицемерием, хотя в глубине души я не ставила под сомнение его искренность.

– Это что же получается? – удивился Владислав. – Помните, вы величали его героем, отца-то вашего, а теперь невесть что о нём городите! Так где же правда? Был он для вас героем или нет?

– Я ни разу не слукавила и не погрешила против истины, рассказывая вам о жизни своей да об отце моём. Так и знайте, милый мой Владислав, ни разу! А героем он для меня действительно являлся – в каком-то смысле. Вся его сущность помогла мне открыть глаза на наш мир – такой жестокий и несправедливый. Он показал мне, каким человеком быть не надобно. При всём при этом, он сделал для меня немало хорошего. Я вечно благодарна ему и сердечно его люблю.

– Вы очень интересно рассказываете, Виктория, но не сослужите ли вы мне службу? Будьте так добры, ответьте на поставленный мною вопрос.

Она уже и позабыла начало их беседы – мыслями будучи далеко-далеко.

– Вопрос? Какой вопрос?

– Когда вы заразились?

– Полтора месяца тому назад, – без колебаний ответствовала Виктория. Она очень хорошо помнила день, когда чудовищный вирус проник в её организм. Заражению сопутствовало резкое падение иммунитета и различные симптомы, обычно следовавшие за этим. Ей оказалось по силам не спутать эту хворь с чем-то более обыденным – два месяца присмотра за отцом снабдили её опытом, позволявшим со стопроцентной точностью идентифицировать недуг.

Владислав заметно приуныл – он был явно расстроен. Немного продлив и без того затянувшуюся паузу, он промолвил:

– Выходит, вы находитесь на более благоприятной стадии заболевания, нежели я.

Она встретила его реплику пронзительным молчанием – говорить не хотелось. Положение дел представлялось ясным обоим.

С самого начала эпидемии и по сей день никому не удавалось бороться с хворью более пяти месяцев. В среднем человек, при грамотном врачебном вмешательстве, умирал на четвёртом месяце заболевания. Он попросту сгорал, подобно фениксу, да только возрождения из пепла не бывало.

В то утро Владислав и Виктория задумались о многом: о всех тех вещах, размышлять над которыми им доселе не позволяли поражённые их любовным чувством сердца. Сами они называли свои отношения дружбой – дружба эта была наполнена утренними и дневными беседами, ночными мечтаниями и подкрадывавшимся всё явственней феноменами Божественной Любви и Любовной Энергии. Переплетаясь, эти чувства способствовали созданию невероятной силы, что всё крепче овладевала их разумом.

Прошло какое-то время, прежде чем они стали думать друг о друге. Само их знакомство выдалось, по правде говоря, скудным по своей сути и бедным по части вербального взаимодействия. Владислав ощущал себя неуклюже, имея дело с новоприбывшей – может, его смущало присутствие её отца, а может, он попросту отвык от соприкосновения с приятными по натуре представительницами женского пола, а Виктория в свою очередь терзала себя мыслями о жестокой судьбе, их с отцом постигшей.

Так повелось, что женщины и мужчины никогда не ночевали друг подле друга – в лагере царила жёсткая дисциплина, коей все придерживались. В ночное время суток, как и в любой другой промежуток времени, отведённого на сон, запрещалось заниматься чем-либо другим, кроме, собственно, сна. Радикальность и беспрекословность в послушании были направ-

лены непосредственно на благо поражённых хворью – все это понимали, и никто не смел перечить и нарушать установленные в лагере правила. Пребывание в оном было делом сугубо добровольным, так что изъявлявшие желание находиться там прекрасно знали, на что шли, и принимали всю строгость тамошних порядков. Виктория и Владислав не были исключением: как и все, они подались в лагерь в погоне за жизнью, зная, что иного пути борьбы с недугом не существовало. Их несколько не смущали местные порядки, и наряду с остальными они послушно следовали всем инструкциям, получаемым от так называемых лидеров некогда волонтерского движения, врачебного персонала и даже психологов, деятельность которых мало кто приветствовал – их пренебрежительно за спиной называли «мозгоправами», но тем не менее никто, включая самых яростных противников, ни разу не посмел их послушаться.

Так было до тех пор, пока они не начали думать друг о друге. Вероятно, это можно назвать некой отличительной чертой всякой влюблённости – состояние, при котором мозг окутывается ничем иным, кроме как мечтаниями об объекте уже начавшей проявляться привязанности; горько-сладкое чувство, способное захватить разум, подчинить себе ещё недавно здоровый рассудок и заразить – заразить тем, о чём так величественно пелось в стихотворениях русских и английских классиков поэтического искусства.

До поры до времени Владиславу удавалось хранить в секрете свои чувства к Виктории: он держался строго, сдержанно, почти хладнокровно, обманываясь и пытаясь внушить себе несуществующую истину, гласившую о пустоте его сердца. Никогда в жизни он ни в кого не влюблялся – там, в мире за пределами лагеря, в своей прошлой жизни, он старался держаться от женщин подальше, пребывая в полной уверенности о предначертанном ему одиночестве. В женской натуре он ценил светлость разума, богатство ума и чистоту души – всё это

он сумел рассмотреть в Виктории. Думая о ней, он размышлял о жизни, и после каждой их встречи, каждого их разговора он как будто исцелялся, упиваясь тем самым горько-сладким чувством, что свидетельствовало о его любовном заболевании.

Виктория видела в нём самодостаточно, уверенного в себе человека, закрытого для чувств вечных и светлых, иногда безэмоционального. Он был для неё интереснейшего склада личностью – человеком, веровавшим в Бога, источником всеобъемлющей харизмы и обаяния. Она очень ценила их каждодневные беседы – именно через них она влюбилась в его душу, в то, что она сама предпочитала называть внутренним «Я».

Доселе ей крайне редко доводилось сталкиваться с неприятностями бессонницы, так что по началу наличие своих ночных мечтаний она объясняла заболеванием, с которым по распределению судьбы ей не посчастливилось столкнуться. Однако самообманываться долго не пришлось. С каждым днём её уверенность в своём неадекватном отношении к Владиславу росла, и со временем сомнений более не осталось: она влюблена. Проявления этого пленяющего, сладостно отравляющего разум чувства наиболее явственно ощущались именно ночью – вынужденная разлука принуждала с мучительным нетерпением дожидаться расвета.

Сказать, что Владислав реагировал на новоявленные отношения с Викторией хладнокровно и безразлично, значило бы солгать. Насчёт его безэмоциональности и закрытости для светлых чувств Виктория заблуждалась – несмотря на долгие часы, проведенные вместе, ей пока не удалось полностью проникнуть в обитель его сущности. Собственно, и Виктория оставалась для него в некоторой степени загадочной – он упивался мыслью о том, сколько прекрасных минут ждут его впереди в познании этого чудесного создания.

Так, с головой уходя в многочасовые беседы, а после ночью наполняясь таким приятным досадливым ожиданием новой

встречи, они разгадывали загадки друг друга – приоткрывали занавесы своих внутренних миров. Всё это длилось днями и неделями – без конца повторяющийся сценарий, кажущийся до безобразия одинаковым для постороннего глаза и являющийся сказочно разным для Виктории и Владислава.

В основе их свиданий лежала жизнь: долгая, прекрасная, полная благоприятных чувств и эмоций. Вскоре всё изменилось. Впервые за всё время их дружбы они заговорили о своей болезни. Говорить о недуге, схватившем в свои кровожадные лапы их жизни, означало говорить о смерти. Нежно и горячо благодаря судьбу за подаренную им возможность любить, предаваясь размышлениям друг о друге, об их укрепляющемся союзе в виде вечного любовного блаженства, они постепенно забывали о своей неминуемой участи. В их личном маленьком мирке – крохотном, но таком прекрасном, явление смерти попросту перестало существовать. Конечно же, обманываясь, они и предположить не могли, что существующее явление перестать существовать никак не может.

В скором времени разговоры о Боге повлекли за собой беседы о смерти – таким образом Владислав и Виктория вспомнили о своей болезни. Это было очевидным объяснением слезам Виктории, что тем утром так сконфузили Владислава. Он действительно пребывал на более неприятной и тяжёлой стадии заболевания, нежели его возлюбленная. Да, именно возлюбленная – он уже давно себе в этом признался. Их дружба, их любовь были настолько взаимными, что осознание обречённости, понимание неминуемого расставания разрывали на части их давеча девственные сердца. И пусть Владислав не дорожил своей земной жизнью как таковой, потеря Виктории казалась ему невозможной.

Бросившись к нему в объятия тем роковым утром – утром осознания – Виктория более не плакала – она любила. Владислав гладил её по волосам – самым приятным, самым роскошным, самым нежным. Он любил. И пусть это скоро закончится, пусть

этого не станет – он желал вволю наслаждаться каждым мгновением, таким бесценным, до невозможности кратким.

– Я не хочу, чтобы вы умирали, – донёсся голос Виктории, слегка приглушенный.

Владислав вздохнул.

– Мне, наверное, следовало бы сейчас сказать вам, что всё будет хорошо, что я не умру, что вы не умрёте, но, Виктория, я не располагаю в данном случае не то что уверенностью в этом, но даже и верой.

– Но вы же верите в Бога! – воскликнула Виктория.

– Да. И что с того?

– Значит, веруете и в жизнь после смерти. Ну же, Владислав, миленький! Заставьте поверить и меня! Скажите, что грядущее наше расставание временно!

– Виктория, дорогая, я действительно верую в жизнь после смерти, вернее сказать, в некую форму бытия. Какой же будет эта форма мне, увы, неведомо.

– Значит, смерть разлучит нас навеки? – она посмотрела на него глазами, всё ещё полными надежды, хоть и явно угасающей.

– Я не знаю, Виктория, я не знаю...

Какое-то время они сидели молча, в самых крепких объятиях. В этих объятиях, в этой торжественной тишине проявлялись все их чувства, вся их взаимная потребность друг в друге.

Безмолвие нарушил Владислав:

– Говорят, что это всё дело рук правительства.

– О чём вы?

– Вся эта гнусная эпидемия. Бытует мнение, что вирус, поразивший всех нас, – искусственно созданный продукт. Проект, направленный на уменьшение численности населения. Знаете, за последнее столетие нас развелось действительно многовато.

– Вы в это верите?

– А отчего же не верить? Сами посудите, жизнь на планете нашей ныне таки скуднавата. Та жизнь, что окружала нас последние десятилетия, не что иное, как жалкое подобие жизни наших предков.

– Владислав! Неужели вы думаете, что мировой кризис – причина для всеобщего

международного геноцида? Это было бы немислимим зверством!

– Добро пожаловать в реальный мир, моя дорогая Виктория. Мы все здесь не более чем мелкие букашки. Да что там! Пыль на ветру. Если вы немного поразмыслите, то поймёте, что все эти слухи вовсе не беспочвенны. Только подумайте! То, что у нас сегодня зовётся демократией, на деле не имеет совершенно ничего общего с идеологией свободы и равенства граждан. Они отняли у нас даже иллюзию выбора, которой долгие годы так глубоко обманывались наши дедушки и бабушки. Вы помните, чтобы наше правительство хоть раз менялось? Лично я – нет. Выборы, та самая иллюзия, уже и те более не проводятся! Власть неизменна, а мы словно те собачонки, мелкие шавочки, идём туда, куда нас поведут.

Такой пронзительный монолог Владислава произвёл на Викторию неизгладимое впечатление. В её мозг стала закрадываться мысль, способствующая признанию: его слова не лишены смысла. Спонтанно завязавшийся разговор её заинтересовал и даже на время лишил томных размышлений депрессивного характера на известную тему. Однако оставались нюансы, требующие прояснения.

– В этом действительно что-то есть, но как вы объясните поддержку правительства, того самого злобного монстра, о котором вы так смело разглагольствуете? Как же финансирование лагерей? Медицинское обеспечение?

Владислав издал краткий, но довольно резкий смешок.

– Виктория, дорогая, вам на самом деле верится, что наше правительство состоит из добрых самаритян, что всецело помогают страждущему народу? Представители нашей мировой власти просто так для людей ещё ничегошеньки не делали. Ни-ко-гда!

– В таком случае, их действия, касающиеся борьбы с эпидемией, крайне нелогичны. В чём смысл тратить деньги на больных, финансируя лагеря?

– Виктория, для них это ничтожные гроши. После «чистки» населения они сэконо-

мят гораздо больше. А всё то, что мы наблюдаем здесь, – простые декорации. Попытка отвести подозрения, причём попытка несомненно удачная. О происхождении вируса никому ничего неизвестно. Правительство нам помогает, а значит, их руки чисты – складывается именно такое впечатление. Да вот только оно обманчиво. В сущности, они ничего особенного и не делают – инфицированные как гибли, так и гибнут, мухам подобны будучи, – Владислав замолчал.

Притихла и Виктория – после такого откровения было чрезвычайно трудно справиться с мыслями. Владислав полагал, что происходящее вокруг сумасшествие – дело рук мирового правительства, стремящегося в разы сократить население всего земного шара.

Долгие-долгие годы среди людей всё шире распространялись слухи о подобно-го рода попытках со стороны правительства ещё в далёком двадцать первом веке, когда население планеты составляло всего-навсего семь миллиардов особей. Целенаправленная пропаганда однополю «любви», независимости, свободы сексуальных отношений с последующим внедрением в общественное сознание явления аборта, товаропотребления и карьеронаправленные ценности с невероятным успехом уничтожали всё то, что осталось от классического института семьи, тем самым разрушая общество и убивая человечество изнутри. Ведение войн оказалось недостаточно эффективным способом физической расправы над человеком – со временем всякого рода военные конфликты остались на замороженной стадии. Население планеты всё более разрасталось, а с ним и мировой финансовый кризис. Количество ресурсов потрясающим образом подверглось сокращению – над миром нависла угроза новой, последней войны. Мало кто верил, что эта война таки наступит, – казалось, что лидеры политического сообщества не допустят её свершения. Настроение социума было довольно оптимистичным, несмотря на вынужденное нищенское положение преобладающего большинства. Так обстояли дела

шесть с половиной лет назад – до известия о накрывающем страны всего мира загадочном вирусе. Точных данных о количестве жизней, унесённых страшной хворью, не было.

Обо всём этом размышляла тогда Виктория, вслушиваясь в отрезвляющий крик окружающей тишины. Она не могла, не хотела верить словам Владислава – его догадки казались ей слишком невозможными. Однако где-то глубоко внутри её разума пробивался тонкий, тихий голосок здравого смысла, вещающий об истинности умозаключений её собеседника.

Он всё ждал, ждал, когда она заговорит – было видно, что ему удалось до неё достучаться, донести суть его рассуждений. Виктория вынырнула из его объятий. Отойдя немного в сторону, по направлению к хвойному дереву, что росло неподалёку, она заговорила, предварительно сложив руки перед собой:

– Не может же это продолжаться бесконечно. Рано или поздно всё закончится. Будут выжившие. Как вы считаете, сколько им нужно?

– Думаю, не больше одного миллиарда.

Виктория закачала головой – примерно такой ответ она и ожидала услышать.

– И мы не войдём в этот миллиард, да?

– Может, вы и войдёте в этот миллиард, этот мир будущего, но точно не я, Виктория, точно не я...

Слова Владислава задели её, она разозлилась, накинулась на него:

– Да как вы смеете такое говорить? Неужели в вас нет ни капельки надежды? Вы сдались! Вы попросту сдались! Смирились. Какой же вы слабак, милый мой Владислав!

– Виктория, прошу вас, успокойтесь. У меня нет намерений цепляться за призрачную надежду на счастливый исход. Однако это вовсе не означает, что я лишился веры. Мне хочется жить. Мне хочется любить вас, но если смерть придёт за мной, то мне не останется ничего иного, кроме как смириться.

– Я не вынесу такой потери, – ответила ему Виктория. Произнеся эти слова, она

удалилась в глубь лагеря – туда, где начался лес. Он не пытался ни остановить её, ни последовать за ней – ему думалось, что так будет лучше. Весь остаток того дня они не виделись, намеренно избегая малейшей встречи друг с другом.

Вечером раздали лекарства, это была кучка непонятных таблеток сомнительного цвета для поддержки иммунной системы. Впервые за все эти месяцы Владислав не стал их принимать. Отказ от медикаментов являлся грубым нарушением установленных в лагере правил – ему это было хорошо известно. Прознай кто о его таком из ряда вон выходящем поступке, он был бы вынужден тут же покинуть расположение лагеря, а это означало бы расставание с Викторией. Преждевременное расставание. Он этого не хотел, а потому и провернул всё настолько хитрым образом, что замечен не был.

Именно тем вечером, блуждая там, блуждая сям, Владислав наткнулся на подножие горы, до умопомрачения величественной и грандиозной. Преприятнейший сюрприз! Он совсем не подозревал, что на территории лагеря красовалось такое чудо природы. С детства влюблённый в красочные пейзажи горных массивов, Владислав не устоял перед соблазном забраться на неё. Ему это оказалось по силам.

Оказавшись на вершине, Владислав открыл для себя по-настоящему новый мир – безлюдный, спокойный, живописный край вдохновлял и окрылял своей пленяющей идеальной красотой. До отказа он наполнил свои лёгкие волшебным, кажущимся целебным воздухом, наслаждаясь великолепием подкрадывающегося заката. Одному Богу известно, сколько он простоял там, не двигаясь, любясь чудесами природы. Его окружали густые шумные леса, что словно обращались к нему, желая донести что-то необыкновенно важное.

Будучи околдованным роскошью окружающего идеального мира, Владислав размышлял о Виктории, о Боге, о прошлом и будущем. Он мечтал о прекрасном: о понятии вечной любви и дружбы, о духовной

свободе личности, что, по его мнению, могла быть достигнута исключительно узниками этой самой вечной любви и дружбы. Он терзал себя мыслями о земном небытии – о том, с чем каждому человеку суждено было столкнуться, а именно о приключении, что дождалось случая произойти с ним, – последнем приключении в его существовании на прекрасной планете, именуемой Земля. Ему казалось, что многие люди забывают о том, где живут, на какой планете обитают. Сколько из них почитают Землю как Родину свою? Кругом одни америки, европы и азии, а ведь все под одним Солнцем, под одной Луной. Одна большая Родина человечества разделилась на части – маленькие родины, так воинственно и агрессивны настроенные друг против друга. А может, вся эта «чистка» вовсе и не дело рук мирового правительства? Может, это наша планета говорит с нами? Что если это месть? Месть Единой Родины всему человечеству за всё то, что она натерпелась от своих обитателей за долгие-долгие годы.

Совсем скоро старуха придёт за ним – вся в чёрном, с косой. Именно на той горе Владислав впервые ощутил её холодное дыхание – лекарства, им непринятые, были навеки захоронены на гостеприимной вершине, у огромного буроватого камня, казавшегося ему таким живым, почти приветливым. Что побудило его отказаться от медицинской помощи? Любовь к Виктории? Или страх перед жизнью? Жизнью, состоящей из ожидания смерти.

Он очень много думал об их первой встрече с Викторией, о первых проявлениях чувств, о первом поцелуе. Он наслаждался этими воспоминаниями – наслаждался и сожалел одновременно. Что будет с ней? Владислав корил себя за то, что позволил ей полюбить себя. Как безответственно и беспечно он поступил! Он понимал, что причиняет ей разрывающую сердце боль, и это терзало его душу.

Стало смеркаться – наступало время первого сна; сумерки погнали его обратно в лагерь.

Всю последующую неделю Владислав не принимал никаких лекарств – он избавлялся от них на вершине горы, оставляя у огромного буроватого камня. Всё труднее и труднее ему давался подъём – вирус убивал его.

Он устремил взгляд высоко в небо: приближающаяся буря отзывалась в его душе, в его истерзанном сосуде, ощущением мучительной грусти, грязно-серого отчаяния. Ему страшно хотелось дожить до этой бури, почувствовать её – распознать как последнее дыхание жизни. Он предавался мечтаньям о Виктории, желанию увидеть её ещё один раз, хоть мельком. Что бы он сказал ей? «Прощай» или «до свиданья»?

Он всё гадал, что ждёт его за чертой смерти. Бог ли? Что-нибудь иное? Ещё никогда прежде он не любил её так сильно – девушку, изменившую всё. Сколько интереснейших бесед они теряли! Сколько смеха, радости, любви...

Дождался ли он бури? Загадка. Известно лишь, что с горы он больше не спускался.

Лагерь, где познакомились Виктория и Владислав, вскоре прекратил своё существование, равно как и все подобные ему, разбросанные по миру. От имени официальных представителей мировой власти было объявлено о массовом распространении изобретённой совместными трудами русских и американских учёных вакцины, способной уничтожить свирепствующий на планете вирус, до недавнего времени считавшийся смертельным. Что же касается Виктории, то говорят, что она покинула расположение лагеря прежде, чем он был закрыт властями. Как и остальным больным, ей была предложена вакцина – билет в будущее. По неизвестным никому причинам она от неё отказалась. С тех пор её никто не видел.